

Научная статья / Original research article
УДК 352.07
DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-67-85
EDN: KMOUTI

Формирование ценностей как ключевой фактор совершенствования государственной семейной политики

Л. Л. Мехришвили^{1,2*}, Н. А. Ткачёва¹

¹ Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

*mehrishvilill@tyuiu.ru

Аннотация. Государственная семейная политика во многих странах сталкивается с ограниченной результативностью при значительных бюджетных затратах. Проблемы реализации семейной политики связаны не только с дизайном мер, но и с их восприятием и принятием населением, то есть с ценностными установками, нормами и ожиданиями, в которые «встраиваются» государственные инструменты. Цель статьи — анализ семейных ценностей, определяющих результативность и эволюционный потенциал государственной семейной политики. Неоднозначность подходов к интерпретации, оценке и формированию семейных ценностей снижает не только эффективность научных исследований, но и функциональность семьи как социального института. Изучение взглядов исследователей, позиций экспертов и мнений представителей региональных семей позволяет, во-первых, показать вариативность ценностных ориентаций современных семей региона; во-вторых, уточнить роль ценностей как медиатора между инструментами семейной политики (деньги, социальные услуги) и поведением семей; в-третьих, целенаправленно работать с сохранением и формированием ценностей через институты семьи, государства, образования, культуры, средств массовой коммуникации. В статье предлагаются рекомендации, направленные на совершенствование государственной семейной политики.

Ключевые слова: семейная политика, формирование семейных ценностей, семьи региона, стратегия поддержки семьи

Финансирование и благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России в сфере науки по проекту «Традиционные ценности как фактор репродуктивных установок и социально-демографического поведения семей: региональный аспект» (№ FEWN-2023-0010).

Для цитирования: Мехришвили, Л. Л. Формирование ценностей как ключевой фактор совершенствования государственной семейной политики / Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачёва. — DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-67-85 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2025. — № 4. — С. 67–85. — EDN: KMOUTI

Formation of values as a key factor in improving state family policy

Lamara L. Mechrishvili^{1,2*}, Nina A. Tkacheva¹

¹*Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

**mehrishvilill@tyuiu.ru*

Abstract. Many countries' state family policies struggle with limited effectiveness despite substantial budget allocations. The challenges in implementing these policies are not only related to the design of the measures but also to how they are perceived and accepted by the public. It means they relate to value orientations, norms, and expectations into which state instruments are "embedded." The aim of this article is to analyze the family values that determine the effectiveness and evolutionary potential of state family policy. The ambiguity in approaches to interpreting, evaluating, and forming family values undermines both the effectiveness of scientific research and the functionality of the family as a social institution. By examining the views of researchers, the positions of experts, and the opinions of regional families, the authors of this article first illustrate the diversity of value orientations among contemporary regional families. Second, they clarify the role of values as a mediator between family policy instruments — such as financial support and social services — and family behavior. Finally, they can purposeful work on preserving and forming values through the institutions of family, state, education, culture, and mass communication. The article concludes with recommendations aimed at enhancing state family policy.

Keywords: family policy, formation of family values, regional families, family support strategy

Funding and acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of science for the project «Traditional values as a factor of reproductive attitudes and socio-demographic behavior of families: a regional aspect» (No. FEWN-2023-0010).

For citation: Mechrishvili, L. L. & Tkacheva, N. A. (2025). Formation of values as a key factor in improving state family policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 67-85. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-67-85

Введение

Трансформация института семьи характеризуется глубинными изменениями ценностных ориентаций, что предопределяет необходимость переосмысления концептуальных основ государственной семейной политики. В современных социально-политических и экономических условиях, в ситуации набирающего обороты демографического кризиса и переустройства традиционных семейных моделей особую актуальность приобретает вопрос о значении ценностных установок в формировании государственной стратегии поддержки семьи.

В России в настоящее время не прекращается поиск путей эффективного взаимодействия государства и общества в различных сферах жизнедеятельности — политической, экономической, духовно-культурной, социальной. Исследователи, рассматривающие этот аспект — А. А. Аузан, Ж. Т. Тощенко, В. И. Якунин и другие, — отмечают, что экономические отношения и материальная составляющая в меньшей степени влияют на факторы развития страны и ее основных институтов, чем нормы, правила и ценностные ориентации участников отношений [1–3]. При этом именно государство формирует духовный климат общения граждан. Реализуя свою политику, оно помогает/не помогает раскрытию ценностного потенциала индивидов и социальных групп,

способствует усвоению консолидирующих общество идей. Соответственно, интерпретируя государство через призму социального пространства как сообщество граждан, приверженных определенным идеалам и ценностям, ученые констатируют его способность поощрять реализацию жизненных стратегий граждан, в частности семейного поведения.

В то же время глобализационные процессы и десятилетия интенсивных межкультурных контактов не позволяют рассчитывать на самовоспроизводство идей интеграции общества и традиционных ценностей. Диссонанс в системе государственного регулирования обусловлен, с одной стороны, противоречивым идеологическим дискурсом, разрушающим адекватную среду для сохранения традиций и обычаев, их закрепления в сознании вступающих в жизнь поколений, с другой, контрадикторным отношением государства к неизбежному синтезу традиционных ценностей с передовыми идеями, их внутреннему развитию с учетом новых реалий.

Вместе с тем Ж. Т. Тощенко подчеркивал необходимость оценки того, что «социальные ориентации народа дифференцируются в зависимости от объективных условий его жизни, от того, как основные социальные общности и группы реагируют на предлагаемые политической властью меры. В этой ситуации выявляется, насколько точно государство поняло и выразило взаимную ответственность — определить стратегию развития страны, которая... позволила бы народу видеть будущую жизнь...» [4].

Это направление деятельности государственных структур способно предопределить сложение в обществе такой духовной атмосферы, которая сможет помочь индивиду поддерживать свой микромир, реализовывать внутренние цели, в том числе в части становления семьи и продолжения рода. Социокультурным фактором, детерминирующим совершенствование семейной политики, выступают ценности, органично влияющие на самоопределение семьи и ее членов в историческом времени и социальном пространстве.

Следовательно, эффективность семейной политики в значительной степени зависит от культурно-ценностного содержания общественных связей, уровня ценностной интеграции общества. При этом жизненные стратегии семьи, возможность реализации своего подлинного предназначения, интересов и целей обусловлены не только результативностью действий структур власти, но и связаны с укреплением семейных ценностей и традиций как инерционно устойчивых базовых факторов и мотивации на укрепление семейных отношений.

Литературный обзор

Вопрос о приоритетах, призванных определить направления совершенствования государственной семейной политики, остается остро дискуссионным. Исследователи по-разному оценивают семейные проблемы и будущее семьи, соответственно отражая разное видение деятельности государства в сфере семейных отношений.

Предметно сфокусированный взгляд на семейную политику связан с изменением семейной идеологии и практических мер социальной поддержки вследствие стремительной трансформации политических, экономических, социокультурных условий жизнедеятельности семей. Переход в начале 1990-х годов к новой системе отношений привел к резкому расслоению общества, обнищанию значительной части населения, предопределив главное направление политики государства в семейной сфере — борьбу с семейной бедностью через организацию социальной защиты малообеспеченных и многодетных семей [5]. Однако незначительный размер пособий, коммерциализация дошкольной и внешкольной инфраструктуры еще более осложнили положение семей с детьми, усугубив демографическую ситуацию. Как следствие, демографическая направленность стала доминирующим фактором современной семейной политики. Вместе с тем мнения исследователей о продуктивности применяемых мер противоречивы. Одни ученые констатируют незначительный эффект предпринятых действий (С. В. Захаров, С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский) [6, 7], другие (В. Н. Архангельский, О. А. Золоторёва, В. В. Касьянов, С. И. Самыгин) отмечают положительное влияние материальной поддержки на повышение рождаемости [8, 9].

Очевидно, что преодоление демографического кризиса и достижение устойчивого социально-экономического развития страны предполагает концептуально новый подход к совершенствованию семейной политики. Анализ международного опыта показывает, что успешность семейной политики напрямую коррелирует со степенью соответствия государственных инициатив доминирующим в обществе ценностным паттернам [10, 11].

Несмотря на значительный объем работ в области социальной политики, вопрос целенаправленного формирования семейных ценностей как одного из инструментов совершенствования государственной политики остается недостаточно разработанным. Большинство исследований фокусируется либо на экономических мерах поддержки семей (И. Е. Калабихина, Е. А. Капогузов, В. В. Пирогова) [12–14], либо на социальной поддержке отдельных категорий семей и их членов (В. Г. Кобелева, А. Ю. Каширцева, Е. С. Симоненко) [15, 16], либо на социологическом анализе семейных трансформаций (Т. А. Гурко, Н. П. Лукина, П. В. Сазонова) [17, 18], не уделяя должного внимания механизмам ценностного воздействия и их интеграции в систему государственного управления. В то же время многочисленные эмпирические исследования демонстрируют существенный разрыв между декларируемыми государством семейными ценностями и реальными установками граждан, особенно молодого поколения, что создает препятствия для реализации мер семейной политики и снижает их эффективность.

Проблематика взаимосвязи ценностей и государственной семейной политики рассматривается в контексте нескольких теоретических подходов. Еще П. А. Сорокин в рамках теории ценностей утверждал, что общество стоит на двух опорах — системе базовых ценностей и соответствующих им социальных норм [19]. Система базовых ценностей складывается столетиями, охраняется и воспроизводится институтами се-

мы, воспитания, образования, церковью. Это основной фундамент сохранения общества, за которым, по мнению О. Конта, необходимо следить и воспроизводить через социальный механизм, охраняющий базовые ценности и нормы от отрицательного воздействия внешней и внутренней среды [20].

Институциональный подход, представленный в работах Д. Норта и его последователей, трактует семейные ценности как неформальные институты, определяющие эффективность формальных институциональных механизмов семейной политики [21]. Согласно этой концепции несоответствие формальных и неформальных институтов приводит к дисфункции государственных программ и снижению их результативности.

Социокультурный подход, развиваемый в трудах П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривает ценности как социальные конструкты, формируемые в процессе взаимодействия различных социальных акторов, включая государство [22]. В контексте семейной политики это означает возможность целенаправленного конструирования ценностных ориентаций через систему образования, СМИ и другие каналы социализации.

Опираясь на гендерно-равноправный подход, П. Макдональд отмечает противоречивый характер результатов эмпирических исследований влияния ценностей на эффективность семейной политики. Если скандинавские страны демонстрируют успешность политики, построенной на ценностях гендерного равенства и индивидуальной автономии, то в странах Восточной Азии более эффективными оказываются меры, зиждущиеся на традиционных семейных ценностях [23].

В отечественной науке проблематика ценностных оснований семейной политики представлена в работах А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, Т. К. Ростовской. Концепция «фамилистической политики», основанная на приоритете семейных ценностей над индивидуалистическими, разработана А. И. Антоновым [24]. Акцентируя внимание на демографическом аспекте, В. Н. Архангельский связывает репродуктивные установки с доминирующими ценностными ориентациями [25]. Системный и долгосрочный взгляд на семейную политику отражен в работах Т. К. Ростовской, в которых обращается внимание на разработку комплекса мер в контексте реализации государственной политики по сохранению, укреплению и продвижению традиционных семейных ценностей [26].

Независимо от теоретических концепций, доминирующих в современной социологии и семейной науке, исследователи сходятся во мнении, что в настоящее время семья как сложная, динамично развивающаяся социальная система характеризуется глубокой нестабильностью и отклонением от состояния равновесия. Этот дисбаланс обусловлен не только внешними социальными, экономическими и культурными трансформациями, но и внутренними процессами перестройки идентичности, ролевых ожиданий и связей между поколениями. Особую значимость в данном контексте приобретает трансформация временной структуры семейной жизни, когда прошлое, настоящее и будущее, тесно переплетаясь, сосуществуют в семье одновременно — через воспоминания, решение повседневных вопросов, выстраивание жизненной стратегии своих

членов. Семья эволюционирует вместе с обществом и гармонична с ним, принимает новое и сохраняет традиции и обычаи, служит опорой не только социально-экономических, но и духовных преобразований. Ее интересы, потребности, цели должны лежать в основе семейной политики, направленной на распространение и укрепление фамилистических ценностей.

Материалы и методы

Семья как социальный институт воспроизводит основные процессы общественной жизни и строит свою жизнедеятельность на фундаменте общих ценностей, характерных для социума, в котором она функционирует. Исторически семья всегда отражала новые общественные тренды. И если в XIX — начале XX века семейная иерархия, нерасторжимость брака, религиозное освещение семейных отношений, многодетность являлись нормой российского общества, то со второй половины XX века преобладающими характеристиками семьи стали нуклеарность, эгалитарность, снижение числа детей. С развитием промышленности, урбанизации, ростом комфортности проживания экономическая функция семьи в значительной степени заменяется личностными отношениями. Сегодня явно брошен вызов «нормальной» в традиционном понимании семьи. Ценности, влияющие на сущностные характеристики основной ячейки общества, трансформируются в социуме и закладываются в современных семьях.

Обозначенные процессы обусловили социально значимую проблему: анализ соотношения традиционных и современных ценностей в ориентации семей, поскольку именно семья как саморазвивающаяся подсистема социума адаптирует национальное самосознание, традиционные уклады жизни к развитию общества с учетом новых процессов и явлений.

Фундаментальные сдвиги в общественном мировом порядке побуждают представителей власти и научное сообщество обратиться к семье как транслятору фундаментальных ценностей новым поколениям. Как отмечалось выше, именно в семье заложен потенциал воздействия на процессы общественного развития. В то же время посредническая миссия семьи между индивидом и обществом не может быть реализована в полной мере без государственной семейной политики, основанной на понимании и сохранении ценности семьи и формировании ценностных ориентиров ее членов.

Противоречивый характер сохранения, принятия и трансляции семейных ценностей и встраивания их в иерархию нравственных установок членов семьи предопределяет целесообразность эмпирического исследования обозначенной проблемы.

Исследование базируется на сочетании количественных и качественных методов анализа. Эмпирическую базу составили массовый анкетный опрос (1 200 респондентов, представителей семейного населения региона), экспертный опрос (21 эксперт) в форме полуструктурированного интервью представителей органов государственной и муниципальной власти региона; ученых, связанных с изучением института семьи и социаль-

ной политики; специалистов сферы социальной семейной политики; руководителей и организаторов общественных организаций; специалистов-практиков, непосредственно взаимодействующих с семьями. Триангуляция методов обеспечила валидность и надежность полученных результатов.

Выборка формировалась на основе центр-периферийной модели, включающей различные типы городов и сельских поселений региона — 1 крупный (Тюмень — 41,7 %), 2 средних (Тобольск — 5,3, Ишим — 11,4 %) и 2 малых города (Ялуторовск — 4,2 % и Заводоуковск — 4,2 %), 10 центральных и периферийных сельских поселений (Ярково — 2,8 %, Ярковский район — 4,3 %, Исетское — 3,5 %, Исетский район — 5,8 %, Нижняя Тавда — 4,8 %, Нижнетавдинский район — 1,8 %, Упорово — 4,6 %, Упоровский район — 4,8 %, Заводоуковский район — 0,8 %). Для сравнительного анализа ответов респондентов как представителей различных семей в регионе были выделены следующие параметры: пол, возраст, уровень образования, показатель религиозности, наличие и число детей, место проживания.

Социально-демографический портрет респондентов. Всего в исследовании приняли участие 17,3 % мужчин и 82,8 % женщин. Из них состоят в браке 85,2 %, разведены 10,3 %, овдовели 1,5 %, один из супругов воспитывает детей — 3,0 %. Уровень образования респондентов довольно высокий: 65,4 % имеют высшее образование и около четверти (24,8 %) — среднее специальное. Среднее общее образование есть у 6,5 % и неполное среднее — у 2,4 % опрошенных. По национальной принадлежности большинство относят себя к русским — 85,2 %, на втором месте татары — 4,8 %. Также в исследовании принимали участие казахи (1,4 %), немцы (0,8 %), армяне (0,5 %), украинцы (0,4 %), таджики (0,4 %), башкиры (0,3 %), азербайджанцы (0,3 %) и представители других национальностей (5,9 %). Отнесли себя к числу воцерковленных верующих 26,6 % представителей семей. Скорее верующими считают себя 49,4 %, скорее неверующими являются 16,4 %, однозначно причислили свои семьи к неверующим 7,6 %.

Целью исследования являлось выявление доминирующих семейных ценностей, определяющих социально-демографическое поведение семей и степень влияния ценностных ориентаций на отношение и оценку государственной семейной политики в регионе.

Задачи эмпирического исследования включали выявление и оценку: структуры семейных ценностей в регионе, места и роли в ней традиционных семейных ценностей; связей между семейными ценностями, социокультурными условиями функционирования семьи и ее демографическими установками; влияния ценностных ориентаций на отношение и запросы семейного населения к государственной семейной политике.

Исследование направлено на подтверждение или опровержение следующих гипотез:

1) наблюдаемая поляризация и гибридизация ценностных ориентаций, особенно среди молодежи, указывает на необходимость перехода от унифицированной к плюралистической модели семейной политики, предлагающей разнообразные траектории поддержки семей в зависимости от их ценностных предпочтений;

2) государственная семейная политика обладает потенциалом не только адаптации к существующим ценностям, но и их целенаправленного формирования через различные институты.

В статье будут представлены некоторые результаты исследования мнений представителей семей юга Тюменской области по первому блоку анкеты «Традиционные и современные ценности, семейные ценности», а также взгляды экспертов и респондентов на проблему сохранения и трансляции ценностей семейного образа жизни и особенности формирования и реализации семейной политики.

Результаты и обсуждение

Для решения задач эмпирического исследования, направленного на выявление влияния традиционных ценностей и ценностных установок на решение проблем повседневной жизнедеятельности семей, на формирование их социально-демографического поведения и на ожидания от семейной политики, респондентам в первом блоке «Традиционные и современные ценности, семейные ценности» анкеты был предложен ряд общих ценностей с целью отнесения их к традиционным, современным либо универсальным.

Интуитивно связывая ценности с перечисленными выше группами (участникам опроса не были представлены определения и онтологические характеристики включенных в анкету ценностей), респонденты испытали и некоторые трудности их однозначного разделения. Решение о включении столь сложного вопроса обосновано двумя аспектами. Во-первых, опрос проводился в 2024-м, объявленном Годом семьи, что способствовало многочисленному обсуждению на различных площадках традиций, ценностей, функций семьи, в результате выделенные нами ценности были «на слуху». Во-вторых, осознавая, что ценности не являются некой панацеей, но понимая их важность для совершенствования семейной политики и решения нарастающих сложностей и противоречий развития современной семьи и общества, авторы статьи данным вопросом стремились понять степень укорененности традиционных и современных ценностей в настоящем, без которой, по справедливому замечанию О. С. Гизляровой, «ценности прошлого оказываются отжившими паттернами, тормозом модернизации, отказом в архаизацию, а ценности (идеалы) будущего — прекраснодушными мечтаниями» [27]. Поэтому в первом вопросе респондентам было предложено не только попытаться выделить традиционные и современные ценности, но и показать их некий универсальный характер, позволяющий наполнять признанные ранее ценности на каждом этапе исторического развития общества несколько иным содержанием и предназначением.

Наиболее выраженными традиционными ценностями являются: вера в Бога и религиозность (74,3 %); патриотизм (74,1 %); преемственность поколений (71,6 %); связь со своим народом (68,9 %); крепкая многодетная семья (64,0 %); высокая нравственность (56,7 %).

Современные ценности представлены преимущественно: индивидуализмом (58,2 %); конкурентоспособностью (63,8 %); самореализацией (58,2 %); возможностью

путешествовать (59,5 %); креативностью и творчеством (53,4 %); интересной, насыщенной жизнью (27,7 %).

Универсальные ценности наиболее ярко проявляются в трудолюбии (39,5 %), ответственности (38,0 %), правде и справедливости (36,1 %), материальном благополучии (32,4 %), свободе (32,7 %).

Анализ мнений представителей семей юга Тюменской области показал, что традиционные ценности доминируют у женщин, старшего поколения, жителей сельской местности и религиозных семей; современные ценности более актуальны для молодежи, городского населения и людей с высшим образованием; универсальные ценности (трудолюбие, ответственность) распределены равномерно, но несколько чаще встречаются у жителей сельской местности.

По мнению экспертов, традиционные ценности придают семье стабильность, приводят к осознанию связи поколений, однако не являются застывшей системой. Так, материальное благополучие было отнесено респондентами к категории универсальных ценностей. Подтверждая эту точку зрения, эксперты отметили трансформацию указанной ценности: *«Семейственность, клановость, преобладание интересов семьи для роста ее благосостояния характеризуются как древнейшая традиция. Но в современных условиях материальное благополучие коррелирует с индивидуальными возможностями, рассматривается как личная самодостаточность вне зависимости от успехов других членов семьи, а значит, благополучие может и не распространяться на них, тем более, на старшее поколение и на родственников»* [28].

Несмотря на сложный период ценностных трансформаций в российском обществе, в семьях традиционные ценности, связанные с духовностью, патриотизмом и семейственностью, имеют существенное значение. Устойчивость во времени традиционных ценностей показывает высокий уровень их социальной укорененности. Это позволяет предполагать сохранение функции семьи по принятию и передаче ценностно-смыслового ресурса, важного для стабилизации не только семейных, но и общественных отношений.

После соотнесения перечня ценностей с одной из категорий — традиционные, современные или универсальные — респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с каждым из суждений о традиционных (табл. 1) и современных (табл. 2) семейных ценностях. Вопрос соотнесения суждений с ценностями был сформулирован как проектный, не касающийся семей участников опроса напрямую.

Оценивая традиционные ценности, лишь четвертая часть опрошенных (26,6 %) считает, что они «отражают устаревшие представления о семье», три четверти респондентов не согласны с данным утверждением (73,4 %). Положительное отношение опрошенных представителей семей к традиционным ценностям проявилось в следующих ключевых установках.

Во-первых, традиционные ценности имеют значение для нормализации и сохранения внутрисемейных отношений: 91,4 % респондентов выражает согласие с суждением о том, что традиционные ценности «определяют роли, взаимоотношения и поведение членов семьи» и «сохраняют семейные обычаи наших предков»; 88,8 % видят в традиционных ценностях фактор стабильности семьи.

Таблица 1

Отношение респондентов к традиционным ценностям (%)

Традиционные семейные ценности	Да	Нет
Отражают устаревшие представления о семье	26,6	73,4
Обеспечивают стабильность семьи	88,8	11,2
Влияют на стратегическую безопасность государства	67,1	32,9
Определяют роли, взаимоотношения и поведение членов семьи	91,4	8,6
Предполагают официальный брак	85,0	15,0
Сохранили семейные обычаи наших предков	91,4	8,6
Подразумевают большое количество детей	39,0	61,0

Во-вторых, по мнению 85 % респондентов именно традиционные ценности «предполагают официальный брак». В-третьих, 67,1 % из числа опрошенных считают, что традиционные ценности «влияют на стратегическую безопасность государства».

Анализ оценки суждений, раскрывающих значение и функции традиционных ценностей, позволил выявить и критический момент: лишь 39 % опрошенных представителей семей поддерживают идею многодетности, полагая, что традиционные ценности «подразумевают большое количество детей». Следовательно, значимость многодетности, которая была характерна для традиционной модели семьи, уже не является определяющей.

Обращает на себя внимание факт принятия значительной поддержки современных ценностей.

Таблица 2

Принятие респондентами современных ценностей (%)

Современные семейные ценности	Да	Нет
Меняют отношение к семье в современных реалиях	69,2	30,8
Позволяют семье адаптироваться в условиях рисков и угроз	78,2	21,8
Позволяют семьям существовать автономно от государства	34,4	65,6
Влекут изменения семейных ролей	56,4	43,6
Не исключают альтернативные формы брака	46,9	53,1
Способствуют равноправию и личной независимости членов семьи	81,8	18,2
Ориентированы на качественное воспитание, а не количество детей	79,0	21,0

Во-первых, современные ценности содействуют трансформации внутрисемейных отношений: 81,8 % респондентов разделяет суждение о том, что они «способствуют равноправию и личной независимости членов семьи»; 56,4 % полагают, что современные ценности «влекут изменения семейных ролей». Во-вторых, выполняют адаптивную функцию: 78,2 % считают современные ценности способом адаптации к рискам; 69,2 % признают изменение отношения к семье в современных реалиях;

46,9 % не исключают альтернативные формы брака. В-третьих, 79 % ориентированы на качественное воспитание детей, а не их количество.

Хотя большинство респондентов согласны с тем, что современные ценности позволяют семье адаптироваться в условиях рисков и угроз (78,2 %) и способствуют равноправию и личной независимости членов семьи (81,8 %), лишь 34,4 % из числа опрошенных представителей семей признают их роль в формировании автономности семьи от государства. Автономность семьи опирается на ее самостоятельность и независимость, в том числе от прямой финансовой помощи государства [29]. Однако проведенное исследование показало сохранение патерналистских настроений в среде региональных семей и экспертов. Признавая ценности личной свободы и независимости, респонденты рассчитывают, что государство окажет помощь, которая сегодня, по мнению экспертов, *«...развивается беспрецедентно. Государство вкладывает много и ему это обходится очень дорого... Но напрягает и изживенческая история...»*.

Исследователи отмечают традиционность патернализма, который в советский период глубоко проник в сознание людей, предопределяя пассивную выжидательность и ослабляя индивидуальную энергию [30]. Вместе с тем, по мнению Е. И. Долгаевой, население не воспринимает государство как источник решения всех проблем [31]. Эта точка зрения подтверждается и результатами опроса экспертов. Согласно их взгляду роль государства заключается в создании условий для полноценного и автономного функционирования семей. В то же время представители семей, проживающих в сельской местности, в большей мере убеждены в возможности автономного существования. Возможно, на их видение влияет наличие земельных участков, животных на подворье, более распространенные формы поддержки со стороны родственников.

Респондентам было предложено определить институты, оказывающие наибольшее воздействие на сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей. Характеризуя институциональный ландшафт, можно констатировать, что общество ожидает комплексной поддержки семейных ценностей от ведущих социальных институтов.

Большинство опрошенных (74,8 %) считает ключевым институтом семью, демонстрируя понимание того, что семья — это основной носитель традиций, нравственных устоев и эмоциональной близости, которые формируют основу семейных отношений. Из анализа сопряженности выбора институтов в зависимости от типа поселения следует, что семья выбирается чаще всего, но наибольший процент поддержавших связан с малым городом и центральными селами соответственно (79,0 и 78,3 % vs. 74,0 % у респондентов из периферийных сел и 71,8 % у респондентов из большого города). Именно в малых городах и районных центрах родители, полагают Н. Н. Васягина, Н. Н. Иващенко, М. Л. Теодорович, больше времени проводят с детьми, чаще совместно участвуют в проводимых мероприятиях, домашних заботах, поддерживают межпоколенные отношения, а значит имеют больше возможностей сохранять и транслировать детям традиционные семейные ценности [32, 33].

Государство занимает второе место по значимости (60,5 %), отражая ожидания общества о поддержке и защите традиционных семейных ценностей со стороны власти через законодательство, семейную политику и государственные программы. Но мнения респондентов разделились при оценке степени государственного влияния на укрепление семейных ценностей. Так, более половины опрошенных представителей семей (64,3 %) видят возможным закрепить за государством корректирующие и поощрительные функции. Пятая часть респондентов заняла примерно в равной степени две крайние позиции. В необходимости полного государственного контроля за процессом сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей уверены 10,9 %, в то время как 9,8 % выразили точку зрения о невмешательстве государства в сферу ценностных ориентаций. Эксперты обращают внимание на потребность общества в формировании государством условий для *«...нормальной, повседневной жизни семьи с детьми»*; на проблему *«...информирования о позитивном семейном опыте»*, о *«контроле за создаваемым контентом о семье»*, создания *«правильных фильмов и мультфильмов»*, *«более активной пропаганде семьи, деторождения, семейных ценностей»*, тесного *«взаимодействия с лидерами общественного мнения»*; и даже на вопрос о введении *«нравственной цензуры»*.

В то же время молодежь меньше доверяет государству ≤ 30 лет (51,2 % vs 66,0 % — у 41+), но больше связывает возможность сохранения традиционных ценностей с образованием (52,4 % vs 42,5 % — у 36–40). Эта сфера признается важным институтом поддержки традиционных семейных ценностей всеми категориями респондентов. Школа, университеты и другие образовательные учреждения могут формировать у молодежи нравственные ориентиры, воспитывать чувство ответственности и уважения к семейным традициям через учебные программы, внеклассные мероприятия и взаимодействие с семьями.

Религия (14,9 %), СМИ и ТВ (19,2 %) оказывают менее значительное, но все же заметное влияние на сохранение традиционных ценностей. При этом женщины чаще выбирают социальные сети и блоги (20,9 % vs 16,0 % — у мужчин), искусство и литературу (10,8 % vs 7,8 % — у мужчин). Возможно, в условиях диджитализации именно женщины поддерживают через социальные сети связь с родными и близкими, в том числе размещая информацию о повседневной жизнедеятельности своих семей. На потенциал социальных сетей и блогов обращают внимание молодежные возрастные группы.

Несмотря на то, что на юге Тюменской области с целью сохранения и укрепления семейных ценностей реализуются различные программы, мероприятия (программа укрепления семейных ценностей и популяризации активного отцовства «Семейный конструктор» (2024); межрегиональный форум «Моя семья — моя крепость»; посвященные укреплению семейных ценностей лекции на базе социальной гостиницы регионального центра «Семья» и многое другое), исследования показали, что сохраняются проблемные зоны конвергенции семейных ценностей и их последствия. Семьи региона ощущают недостаток

планомерного внимания к вопросу сохранения семейных ценностей. Не случайно представители семей выразили положительное отношение к государственной поддержке. По мнению большинства респондентов (92,7 %), государственная поддержка традиционных семейных ценностей в Тюменской области необходима. При этом 45,5 % убеждены, что такая поддержка абсолютно необходима, 47,2 % считают, что она нужна в какой-то мере и лишь 6,7 % выступают против государственного вмешательства.

Открытые ответы респондентов раскрывают глубинные ожидания от государственной политики в области семейных ценностей. Часть респондентов справедливо отмечает, что в регионе много делается для поддержки семей с детьми, но при этом не исключает необходимости дополнительных усилий. Другие подчеркивают, что государство должно не только декларировать ценности, но и реально создавать условия для достижения семьями финансовой стабильности и благополучия. Казалось бы, что респонденты излишне прагматичны в оценке поддержки государства, но опрошенные рассматривают финансовую стабильность как ключевой фактор укрепления семейных ценностей через возможность проводить больше времени с детьми, совместные путешествия, способствующие расширению кругозора на основе знакомства с просторами своей страны. Все это будет закреплять ценность семьи, традиционные ценности естественным путем.

Таким образом, исходя из мнений респондентов, их открытых ответов и позиций экспертов, можно проследить потребность в легитимизации и официальном признании проблемы сохранения семейных ценностей, наличия не только декларативных, но и реальных государственных гарантий. При этом обращает на себя внимание и факт готовности респондентов к личной ответственности и самоорганизации. Представители семей демонстрируют зрелое понимание эволюционной природы семейных ценностей, их преемственности и взаимодополнения. Можно говорить о том, что ответы свидетельствуют о понимании семейной политики не как жесткого контроля, а как создания экосистемы поддержки, защиты и развития семейных институтов. Ключевым посылом выступает понимание респондентами того, что государство должно создавать условия, а не навязывать модели, уважая личную автономию и динамику семейных трансформаций.

Выводы и рекомендации

Полученные результаты согласуются с отечественными и международными исследованиями о зависимости результативности семейной политики от культурно-ценностного контекста и подтверждают выдвинутые ранее гипотезы.

Проведенное исследование имеет теоретическое и практическое значение. Теоретически оно раскрывает роль ценностей как медиатора между инструментами семейной политики (материальная поддержка семьи, социальные, правовые и психологические услуги) и стабильным функционированием института семьи. Формирует понимание того, что ценности — это не внешний фон, а активный механизм влияния на семейную политику через ценностную конгруэнтность, легитимацию и социализацию.

Игнорирование ценностного измерения приводит к снижению результативности государственных программ.

Практически исследование помогает определить направление совершенствования семейной политики через корректировку мер поддержки семьи под реальный нормативно-ценностный контекст и целенаправленную работу по формированию ценностей (через образование, коммуникацию, институциональные «подталкивания»). При этом диагностика «соответствия ценностей и политики» должна стать обязательной стадией проектирования мер, а стратегия семейной политики — учитывать гетерогенность основных ценностных профилей семей и реагировать на данный факт через дифференциацию и вариативность предлагаемых мер поддержки.

Региональная дифференциация ценностных профилей ориентирует на необходимость адаптации федеральных программ к местной ценностной специфике при сохранении единых стратегических приоритетов.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации для совершенствования государственной семейной политики:

1. Внедрение системы ценностного мониторинга как регулярного инструмента оценки ценностных ориентаций различных социально-демографических групп для корректировки мер семейной политики.
2. Разработка ценностных паспортов регионов для учета территориальной специфики при реализации семейной политики.
3. Развитие механизмов общественного участия в формировании и реализации семейной политики через создание консультативных советов.
4. Интеграция ценностного компонента в систему оценки эффективности мер семейной политики наряду с демографическими и экономическими показателями.
5. Разработка образовательных программ по семейным ценностям с учетом их многообразия и динамики, избегая навязывания единственной модели.
6. Формирование позитивного образа различных моделей семьи в публичном дискурсе при сохранении приоритета традиционных ценностей, что позволит избежать ценностной маргинализации отдельных групп семейного населения.

Заключение

В современных условиях идеологических и ценностных противоречий, социально-экономических кризисов, военного противостояния, демографических вызовов семейная политика призвана обеспечивать сохранение института семьи, его роли в гарантировании существования государства, в решении экономических, социальных и духовно-нравственных проблем. Особенно важно отметить необходимость достижения баланса интересов в отношении института семьи государства и общества не только по финансовым аспектам, но и по нравственным и ценностным основаниям, обеспечивающим жизнедеятельность семьи. Российское государство при равноправном участии общественных объединений и движений имеет существенные резервы по совершен-

ствованию семейной политики через согласование целей развития, средств их достижения, ценностного обеспечения, налаживания регулярной обратной связи.

Итак, совершенствование семейной политики зависит от того, имеет ли семейное население возможность соотнести свои интересы и ценностные ориентации с пониманием и принятием идей и призывов государства. В этих условиях концепция государственной семейной политики является важнейшим теоретическим и практико-ориентированным конструктом для анализа и объяснения путей развития института семьи на основе согласованной политики по преобразованию политической, социально-экономической и духовно-нравственной среды, одобряемых методов управления для создания возможностей полноценной реализации всех функций семьи.

Список источников

1. Аузан, А. А. Общественный договор и гражданское общество / А. А. Аузан. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2005. – № 3. – С. 3–18.
2. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.31857/S013216250026379-9. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 3–15.
3. Якунин, В. И. Демографическая миссия российского государства / В. И. Якунин. – Текст : непосредственный // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы Всероссийской научной конференции. – Москва : Научный эксперт, 2007. – С. 18–25.
4. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов? / Ж. Т. Тощенко. – DOI 10.31857/S0132162525020016. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 3–14.
5. Елизаров, В. В. Демографические и социально-экономические факторы семейной политики в условиях перехода к рынку / В. В. Елизаров. – Текст : непосредственный // Семья в России. – 1994. – № 1. – С. 80–101.
6. Захаров, С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 / С. В. Захаров. – DOI 10.17323/demreview.v3i4.3203. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 6–26.
7. Рязанцев, С. В. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерение / С. В. Рязанцев, Л. Л. Рыбаковский. – DOI 10.31857/S0869587321090085. – Текст : непосредственный // Вестник Российской академии наук. – 2021. – № 9. – С. 810–819.
8. Архангельский, В. Н. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) / В. Н. Архангельский, О. А. Золотарева, О. В. Кучмаева. – DOI 10.15838/esc.2024.6.96.4. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – № 6. – С. 77–97.
9. Касьянов, В. В. Российская государственная семейная политика в свете управления демографическими процессами / В. В. Касьянов, А. К. Манучарян, С. И. Самыгин. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 41–44.
10. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 248 p. – Text : direct.
11. Thévenon, O. Family policies in OECD countries: A comparative analysis / O. Thévenon. – Text : direct // Population and Development Review. – 2011. – Vol. 31, Issue 1. – P. 57–87.

12. Калабихина, И. Е. Измерение временем : новая парадигма социально-демографической политики / И. Е. Калабихина. – DOI 10.19181/population.2020.23.2.4. – Текст : непосредственный // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 2. – С. 37–50.
13. Капогузов, Е. А. Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности / Е. А. Капогузов, Р. И. Чупин, М. С. Харламова. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-4-108-122. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – № 4 (71). – 2021. – С. 108–122.
14. Пирогова, В. В. Влияние социально-экономического положения в стране на государственную семейную политику / В. В. Пирогова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 1 (70). – С. 199–203.
15. Кобелева, В. Г. Технологии социальной работы с различными типами семей / В. Г. Кобелева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2001. – № 2. – С. 271–279.
16. Каширцева, А. Ю. Система социальной поддержки семьи как эффективный механизм реализации государственной социальной политики / А. Ю. Каширцева, Е. С. Симоненко. – DOI 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58. – Текст : непосредственный // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 3 (54). – С. 52–58.
17. Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи / Т. А. Гурко. – DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 31–54.
18. Лукина, Н. П. Трансформация семейных отношений в рамках технологического уклада информационного общества / Н. П. Лукина, П. В. Сазонова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 47. – С. 158–167.
19. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – Москва : Академический проект, 2024. – 945 с. – Текст : непосредственный.
20. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. – Москва : Ленанд, 2018. – 296 с. – Текст : непосредственный.
21. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / Douglas C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 152 p. – Text : direct.
22. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – Текст : непосредственный.
23. McDonald, P. Societal foundations for explaining low fertility: Gender equity / P. McDonald. – Text : direct // Demographic Research. – 2013. Vol. 28, Issue 34. – Pp. 981–994.
24. Антонов, А. И. В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) / А. И. Антонов. – DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2019. – № 4. – С. 37–43.
25. Архангельский, В. Н. Влияние ценностных ориентаций и уровня жизни в регионе на репродуктивные намерения (по результатам исследования в Тюменской области) / В. Н. Архангельский, А. В. Смирнов. – DOI 10.15838/ptd.2023.4.126.6. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 93–112.
26. Ростовская, Т. К. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Н. А. Безвербная. – DOI 10.15838/esc.2019.6.66.12. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 209–227.
27. Гизлярова, О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения / О. С. Гизлярова. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27. – Текст : непосредственный // Социально-политические исследования. – 2024. – № 2 (23). – С. 27–45.

28. Ткачева, Н. А. Традиционные семейные ценности в региональном измерении / Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин. – Текст : непосредственный // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России «XVIII Ковалевские чтения», 14–16 ноября 2024. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2024. – С. 1442–1444.
29. Автономность как критерий принципа адресности государственной социальной поддержки семей / Ш. Фарахутдинов, Л. Мехришвили, Н. Ткачева, А. Юдашкин. – DOI 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338. – Текст : непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – 22 (2). – С. 319–338.
30. Сандаков, Н. Патернализм или иждивенчество / Н. Сандаков. – Текст : электронный. – URL: <https://sandakov.livejournal.com/105054.html> (дата обращения: 11.09.2025).
31. Долгаева, Е. И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения / Е. И. Долгаева. – Текст : непосредственный // Регионология. – 2013. – № 4 (85). – 2013. – С. 185–195.
32. Васягина, Н. Н. Исследование условий семейного воспитания в районах с разным уровнем урбанизации / Н. Н. Васягина. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2008. – № 3. – С. 84–90.
33. Ивашиненко, Н. Н. Локальные сообщества как драйверы развития малых городов / Н. Н. Ивашиненко, М. Л. Теодорович, Н. Н. Патокина. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 3. – URL: [https:// sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf](https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf) (дата обращения: 01.09.2025).

References

1. Auzan, A. A. (2005). Obshchestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshchestvo. *Mir Rossii*, (3), pp. 3-18. (In Russian).
2. Toschenko, J. T. (2023). Social contract as a noumenon: the experience of sociological understanding. *Sociological research*, (6), pp. 3-15. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250026379-9.
3. Yakunin, V. I. (2007). Demograficheskaya missiya rossijskogo gosudarstva. *Nacional'naya identichnost' Rossii i demograficheskij krizis*. Moscow, Nauchnyj ekspert Publ., pp. 18-25. (In Russian).
4. Toschenko, J. T. (2025). Social contract in modern russia: has a balance of interests been achieved? *Sociological research*. (2), pp. 3-14. (In Russian). DOI: 10.31857/S0132162525020016
5. Elizarov, V. V. (1994). Demograficheskie i social'no-ekonomicheskie faktory semejnoy politiki v usloviyah perekhoda k rynku. *Sem'ya v Rossii*, (1), pp. 80-101. (In Russian).
6. Zakharov, S. V. (2016). Modest demographic results of the pronatalist family policy in the context of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. Demographic overview, (4), pp. 6-26. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3203.
7. Ryazantsev, S. V., & Rybakovsky, L. L. (2021). Demographic development of Russia in the XX–XXI centuries: historical and geopolitical dimension. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, (9), pp. 810-819. (In Russian). DOI: 10.31857/S0869587321090085
8. Arkhangelsky, V. N., Zolotareva, O. A., & Kuchmaeva, O. V. (2024). Two Approaches to Assessing the Effectiveness of Demographic Policy (Using the Example of Federal Maternity Capital). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, (6), pp. 77-97. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4
9. Kas'yanov, V. V., Manucharyan, A. K., & Samygin, S. I. (2018). Rossijskaya gosudarstvennaya semejnaya politika v svete upravleniya demograficheskimi processami. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (1), pp. 41-44. (In Russian).

10. Esping-Andersen, (1990). G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, Princeton University Press Publ., 248 p. (In English).
11. Thévenon, O. (2011). Family policies in OECD countries: A comparative analysis. *Population and Development Review*, 31(1), pp. 57-87. (In English).
12. Kalabikhina, I. E. (2020). Measuring by time: a new paradigm of socio-demographic policy. *Population*, 23(2), pp. 37-50. (In Russian). DOI: 10.19181/population.2020.23.2.4
13. Kapoguzov, E. A., Chupin, R. I., & Harlamova, M. S. (2021). Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia. *Management issues*, 4 (71), pp. 108-122. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-4-108-122.
14. Pirogova, V. V. (2024). Impact of socio-economic situation in country on state family policy. *Science bulletin*, 4(1(70)). pp. 199-203. (In Russian).
15. Kobeleva, V. G. (2001). Tekhnologii social'noj raboty s razlichnymi tipami semej. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (2), pp. 271-279. (In Russian).
16. Kashirtseva, A. Yu., & Simonenko, E. S. (2021). Family social support system as an effective mechanism of the state social policy implementation. *Region: systems, economy, management*, 3 (54), pp. 52-58. (In Russian). DOI 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58.
17. Gurko, T. A. (2020). Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution. *Sociological Journal*, (1), pp. 31-54. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052.
18. Lukina, N. P., & Sazonova, P. V. (2019). Transformaciya semejnyh otnoshenij v ramkah tekhnologicheskogo uklada informacionnogo obshchestva. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (47), pp. 158-167. (In Russian).
19. Sorokin, P. A. (2024). Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 945 p. (In Russian).
20. Kont, O. (2018). Obshchij obzor pozitivizma. Moscow, Lenand Publ., 296 p. (In Russian).
21. North, D. C. (2002). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 152 p. (In English).
22. Berger, P., & Lukman, T. (1995). Social'noe konstruirovanie real'nosti. *Traktat po sociologii znaniya*. Moscow, Medium Publ., 323 p. (In Russian).
23. McDonald, P. (2013). Societal foundations for explaining low fertility: Gender equity. *Demographic Research*, 28(34), pp. 981-994. (In English).
24. Antonov, A. I. (2019). In the structure of scientific school of familyism (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), pp. 37-43. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43.
25. Arkhangelsky, V. N., & Smirnov, A. V. (2023). Influence of value orientations and standard of living in the region on reproductive intentions (based on the results of the study in the Tyumen oblast). *Problems of territory development*, 27(4), pp. 93-112. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6.
26. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Bezverbnaya, N. A. (2019). Current State and Prospects of Family Policy in Russia: Socio-Demographic Analysis. *Economic and Social changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), pp. 209-227. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12
27. Gizlyarova, O. S. (2024). Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limitations. *Socio and Political Research*, 2 (23), pp. 27-45. (In Russian). DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27.
28. Tkacheva, N. A., & Yudashkin, A. V. (2024). Tradicionnye semejnye cennosti v regional'nom izmerenii. Doklad. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya «XVIII Kovalevskie chteniya. Sociologiya v menyayushchemsya mire: teoriya, praktika, obrazovanie» 14-16 noyabrya 2024 g., Sankt-Peterburg, Skifiya-print Publ., pp. 1442–1444. (In Russian).

29. Farakhutdinov, S., Mehrishvili, L., Tkacheva, N., & Yudashkin, A. (2024). Autonomy as a criterion of the principle of targeting state social support for families. *Journal of Social Policy Studies*, 22 (2), pp. 319-338. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338
30. Sandakov, N. Paternalizm ili izhdivenchestvo. Available at: <https://sandakov.livejournal.com/105054.html> (accessed 11.09.2025).
31. Dolgaeva, E. I. (2013). Paternalizm ili effektivnoe gosudarstvo: social'nye ozhidaniya naseleniya. *Regionologiya*, 4 (85), pp. 185-195. (In Russian).
32. Vasyagina, N. N. (2008). Issledovanie uslovij semejnogo vospitaniya v rajonah s raznym urovnem urbanizacii. *Obrazovanie i nauka*, (3), pp. 84-90. (In Russian).
33. Ivashinenko, N. N. Teodorovich, M. L. & Patokina, N. N. (2023). Local communities as drivers of small towns development. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, 14(3). (In Russian). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf> (accessed 01.09.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень; главный научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, Москва; mehrishvilill@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Ткачёва Нина Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tkachevana@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Lamara L. Mehrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Humanitarian Sciences and Technologies, Industrial University of Tyumen; Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mehrishvill@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, tkachevana@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 14.11.2025.